Зачем нам, поручик, чужая земля?

До 1940-ого года Латвия была одним из центров «белой эмиграции». Спустя 70 лет история повторилась: здесь вновь появились россияне, избравшие для проживания нашу «маленькую уютную страну у моря». Попробуем сравнить эти две волны русской эмиграции в ЛР и найти между ними сходства и отличия.

Численность

Первая волна русской эмиграции(1918-1924) началась после Октябрьской революции: тогда из России уехало от 1,5 до 3-х млн. человек. Третью часть составляли так называемые «оптанты» или репатрианты - жители бывших российских губерний, которые вошли в состав суверенных государств: Польши, Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии. В Латвии русских эмигрантов и репатриантов насчитывалось около 200 тысяч.

Нынешняя волна русской эмиграции куда меньше. По официальным данным, с 2010 года временный вид на жительство(ВНЖ) в Латвии путем приобретения недвижимости получили около 17 тысяч человек, большинство из них – россияне. Однако далеко не все «вээнжисты» являются эмигрантами: многие приобретали недвижимость ради шенгенской визы, дающей право свободно ездить по Европе, а квартиры и дома в Юрмале стали чем-то вроде дачи, где можно отдыхать летом или просто приехать на выходные, чтобы «расслабиться», как призналась в СМИ профессор МГИМО Ольга Зименкова, назвав свою квартиру в Юрмале «дальнемосковской дачей».

Другая часть «вээнжистов», купив квартиру в Юрмале, как адвокат Ходорковского Елена Лукьянова, или участок земли под Цесисом, как журналист Катя Гордеева, обладают российским паспортом, живут и работают одновременно и в Латвии, и в России. «Как-то в Интернете наткнулись на волшебный поселок Амацциемс под Цесисом... сняли дом ... потом купили маленький кусочек земли, позволяющий иметь вид на жительство. Но и Питер мы очень любим. Там у нас много друзей, а у детей — прекрасный детский садик. Сегодня мы живем как цыгане, открытые всему миру...», - рассказывала журналистам автор просветительского проекта «Открытые лекции» Катя Гордеева.

Строго говоря, таких «вээнжистов» эмигрантами тоже не назовешь. Это скорее плоды глобализации - сегодня они могут жить в родной стране, завтра уехать в Латвию, а через год во Францию: объединенная Европа сделала наш мир открытым.

Эмигрантами в традиционном смысле являются те россияне, которые постоянно живут и работают в Латвии. Сто таких эмигрантов недавно создали общество «Jaunie Latvieši», заявив, что «они хотят влиться в латышское общество».

Причина

О том, почему россияне переселяются в нашу «маленькую чудесную страну у моря», сказала на недавней дискуссии представитель этой организации поэтесса и публицист Елена Фанайлова: «Подкладка под приездом сюда неглупых русских людей — недовольство политическим режимом». По этому показателю «новая волна» абсолютно совпадает с первой волной русской эмиграции 20-х годов прошлого столетия, которая тоже была политической эмиграцией.

Латвию русские эмигранты и в 20-е годы, и сейчас выбирают потому, что здесь есть культурное русское пространство: функционирует русский язык, работают хотя и с натяжкой, но все еще русские школы, есть программы на русском языке и в ряде частных вузов, проживает большая русская община. Как тогда, так и сейчас в культурном и историческом плане Латвия - это российская губерния на границе с Европой. Плюс, конечно, законы, позволяющие здесь обосноваться.

Способ отъезда

В начале 20-х годов русские оптанты или репатрианты, родившиеся или жившие на территории ЛР до Первой мировой войны, приезжали в ЛР с официальным разрешением, цивилизованно. Другая группа – беженцы. Одни отправлялись из России за границу в деловую поездку и не возвращались. Так оказался в Риге и знаменитый художник Сергей Виноградов, выехавший с выставкой в США: ему помог оформить вид на жительство в Латвии художник Вильгельм Пурвитис. Другие бежали через российскую границу по льду Финского залива, третьи прибыли вместе с отступающей Белой армией, попав в Ригу через Эстонию.

Именно такой путь проделал секретарь писателя Ивана Бунина Леонид Зуров, родившийся в Псковской губернии. В 16 лет вместе с отцом (мать умерла) он записался в армию Юденича, и вместе с этой армией, как и тысячи русских воинов, оказался в Эстонии. Часть солдат была отправлена в концлагеря и тюрьмы, другая часть умирала от голода, холода и тифа. Умер от тифа отец Зурова, дважды переболел он сам. Помыкавшись в Эстонии, Леонид в 1920-м году переезжает в Латвию.

“Жили мы в палатах, спали на матрасе, а теперь в заплатах ловим вшей в Эрресе”, - такой шуточный куплет сочинил купец 1-й гильдии из Петербурга

Николай Сидяков. Его сын Сергей, которому в 1917-м году исполнилось 25 лет, оставил воспоминания, где описал, что после революции семья потеряла все: конфискованы личный счет отца и счета большой торговой фирмы, торговавшей скобяными изделиями, сожжено имение, национализированы магазины. Сидяковы поселились в Павловске, который вскоре захватила армия Юденича, а при отступлении армии Сидяковы добрались в ту же Эстонию: пешком, в товарных вагонах, переполненных солдатами и беженцами. Не избежав эпидемии тифа, Сидяковы перебрались в Ревель (Таллин), а потом в Ригу: визу помог получить знакомый рижский предприниматель.

Известный литературный и театральный критик Петр Пильский после антибольшевистских фельетонов в петроградской газете был арестован, провел полгода в тюрьме, выпущен на поруки и сразу бежал на юг, а оттуда в Бессарабию, включенную в состав Румынии, где, получив выездной паспорт без права возвращения в страну, выехал в Польшу, а затем в Латвию. Бегство от большевиков заняло три года.

К счастью, «новая волна» русских эмигрантов «бежала» в Латвию совершенно цивилизованно, и этим они коренным образом отличаются от эмигрантов первой волны: на их жизнь никто не покушался, счета в российских банках и московские квартиры остались в целости и сохранности, жить в бараках и болеть тифом им не пришлось. Благодаря этому иначе сложилась и их жизнь в чужой стране. «Новые русские» сами признаются, что они выбрали «комфортную эмиграцию в Латвию». Прилетели сюда самолетом, обзавелись квартирами в центре Риги, домами в Юрмале или хуторами в провинции. Понятное дело, «новые русские» – люди состоятельные, тем, кому по карману получение ВНЖ путем покупки недвижимости: минимум 143 тысяч евро до 2014-ого года, а сейчас - 250 тысяч. Иначе прописку в Латвии не получишь.

Деньги

По этому критерию «новая волна» тоже очень отличается от «первой волны» русской эмиграции, среди которой было мало состоятельных людей. Пожалуй, к таковым можно причислить разве что «фарфоровых королей» Кузнецовых: многочисленное семейство переехало после революции в Ригу, где оставался завод – единственный, уцелевший от их большой империи. Хорошо развернулся петербургский кинопромышленник Василий Емельянов, который нашел партнера по бизнесу в Латвии и стал закупать фильмы ведущих европейских и американских кинокомпаний, а затем даже построил свой собственный кинотеатр «Сплэндид Палас» - красивое здание приглянулось Кате Гордеевой, и именно там она сегодня проводит свои «Открытые лекции». Кузнецовы и Емельянов имели собственные дома – в Риге и на Рижском взморье. Остальные эмигранты жили очень скромно.

Купец Сидяков стал совладельцем торговой фирмы - благодаря тому, что ему удалось получить заказы, размещенные еще до Первой мировой войны в Германии и Финляндии, но на собственный дом денег не заработал. Петр Пильский стал ведущим журналистом газеты «Сегодня» (которая по своей антисоветской направленности была чем-то вроде интернет-портала «Медуза», чей редактор Галина Тимченко тоже переехала жить в Латвию). Художник Сергей Виноградов основал собственную студию, занимался творчеством, регулярно выставлялся в разных европейских столицах. Оба жили в арендованных квартирах, хотя и вполне обеспеченно.

Куда труднее пришлось Леониду Зурову и бывшему члену Государственной Думы Борису Энгельгарду. Борис Энгельгардт – бывший камер-паж императрицы, комендант Петрограда в 1917-м году и начальник отдела пропаганды Добровольческой армии - работал на рижском ипподроме сначала тренером, а потом младшим конюхом. Вдвоем с женой вел существование практически нищенское. Леонид Зуров оказался совершенно один в чужой стране, работал маляром, репетитором, секретарем, чернорабочим — по 16 часов грузил камни и мыл понтоны. Снимал комнатку, в которой, помимо него, проживало еще два человека. «Материальная нужда меня не пугает. Привык. Думаю, что если не погиб за эти годы, то с помощью Божией пробьюсь», — писал он в письме И.Бунину.

Интеграция

По мнению исследователей, отличительной чертой первой волны эмиграции стали замыкание на собственную среду и фактический отказ от интеграции в новое общество. Неслучайно очаги белой эмиграции называли «Россией за рубежом» или «Россией номер два», которая как бы существовала параллельно с советской Россией. В Латвии эмигранты 20-х годов тоже живут в своей русской среде, отдают детей в русские школы, выписывают русскую газету «Сегодня», посещают русский драмтеатр и гастрольные концерты русских артистов из Парижа или Берлина.

Однако белая эмиграция становится не только потребителем той русской культуры, которая сложилась в Латвии за двести лет до их приезда, но и сами активно включаются в воспроизводство этой культуры: основывают газеты и журналы, открывают частные школы, музыкальные студии, танцевальные коллективы и университетские курсы, а также выступают с инициативой проведения ежегодных Дней русской культуры – традиция, которая существует и сейчас.

Интересно, что к концу 30-х годов, по словам исследователя Бориса Равдина, латвийское гражданство получило большинство эмигрантов: никаких экзаменов, подтверждающих знание языка и истории, сдавать тогда не

требовалось. Только 2,5 тысячи эмигрантов оставались без гражданства и жили с международным «нансеновским» паспортом, специально выдаваемым беженцам.

«Новые русские эмигранты», прибывшие в 2000-е годы, демонстрируют куда большее рвение интегрироваться в местное общество. Представители общества «Jaunie Latvieši» даже обязуются «всеми способами способствовать и помогать распространению латышского языка и национальных традиций в среде латвийских русскоязычных жителей».

«Все хотят интегрироваться, все хотят учить язык. Вновь прибывшие хотят влиться в латышское общество», - заявил член общества, руководитель интернет-проекта Spektr Антон Лысенков. Две его дочери уже интегрируются: учатся дистанционно — на латышском и русском языках. Другой член общества, психолог Мария Шумихина тоже отдала старшую дочь в латышскую школу. Выучила язык (на курсах в Москве) и профессор МГИМО Ольга Зименкова: «не могу уютно себя чувствовать в стране, если не понимаю местного языка».

Однако таких случаев – единицы. По сведениям Департамента гражданства и миграции, из 17 000 обладателей инвестиционных видов на жительство, языковой экзамен сдали и получили постоянный вид на жительство в Латвии только девять человек. В общем, большинство «новых эмигрантов», как и их предшественники из «первой волны» предпочитают оставаться в русскоязычной среде, отдавая своих детей в русские государственные или частные школы, реже в международные школы, где обучение ведется на английском.

Показательно, что название своей общественной организации «Jaunie Latvieši» эмигранты из России переводят как "Новые латвийцы», но первая же попытка с «распространением латышского языка» получилась неуклюжей: перевод на русский язык звучит иначе - «Новые латыши». Такое название и у местных русских, и у латышей вызывает насмешку: большинство местных русских предпочитает оставаться русскими и отвергает все попытки ассимиляции, а латыши... Латышей надо знать так, как знают их местные русские. У латышей болезненное отношение не только к «понаехавшим», но и к национальному вопросу, к своей истории и своей латышскости. Да, латыши уважают русских, которые свободно говорят на латышском, но границу между «своими» и «чужими» строго блюдают, поэтому «новые латыши» никогда не смогут стать своими в этом обществе. Как известно, в Латвии за 20 лет независимости не сформировалась единая латвийская нация.

Лояльность

Лояльность – еще один ходовой сегодня термин. Были ли «белые эмигранты»

лояльными к Латвии, которая их приютила? Бесспорно. Эмигранты жили, соблюдая законы Республики. К тому же, в 20-е годы латвийский закон «О культурной автономии нацменьшинств» был одним из самых передовых в Европе: и школы русские в стране были защищены этим законом, и русский язык имел статус государственного наравне с латышским и немецким, и православная церковь действовала. Критиковали ли «белые эмигранты» латвийские законы, к примеру, когда президент К.Улманис начал закрывать русские школы или, когда в моду вошел «национализм» и «построение латышской Латвии»? Да, критиковали.

«Новые эмигранты» тоже демонстрируют лояльность, то есть верность существующим законам. "Большинство приехавших сюда россиян ищут в Латвии убежище и никогда не стали бы делать что-то против этой страны", - заявила профессор МГИМО Ольга Зименкова. Демонстрация лояльности – даже чрезмерная. Но не будем судить их за это строго - от лояльности напрямую зависит продление ВНЖ, да и неприлично это: раз приехал жить в чужую страну, будь любезен уважать все законы, а свой самовар оставь дома.

Впрочем, «новым латышам» уже пришлось заявить о своих правах, когда Сейм принимал закон, изменив стоимость продления ВНЖ. За право жить «в маленькой уютной стране у моря» каждые пять лет придется платить по 5 тысяч евро. «Новые эмигранты» обратились к президенту. Автор письма, юрист Елена Лукьянова пообещала, что «если нас не услышат, то мы уедем — туда, где более прогнозируемое законодательство». Сейм пошел на уступки: обладатели ВНЖ, получившие его за покупку недвижимости до 2014 года, освобождены от уплаты за первое продление. Будут ли они платить через десять лет или уедут в другую уютную страну, время покажет.

Новые и старые русские

Последний сравнительный показатель: отношения эмигрантов с местной русской общиной. В 20-е годы эмигранты влились в местное русское общество, а состоятельные эмигранты материально поддерживали и Дни русской культуры, и русские общества. Кузнецовы, Емельянов, даже скромный предприниматель купец Сидяков регулярно перечисляли деньги на «русские проекты». «Новые эмигранты» по этому показателю совершенно не похожи на белую эмиграцию: ее представители демонстративно дистанцируются от своих соотечественников, позволяя себе высокомерные и пренебрежительные высказывания в их адрес.

Возможно, «путинские эмигранты» считают местные русские общества если не «рукой Москвы», то «промосковскими», и поэтому боятся замарать свою репутацию. Страхи их небезосновательны, учитывая ежегодные обвинения латвийской Полиции Безопасности в адрес местных русских организаций.

Поэтому не стоит ожидать, что «новая волна» вольется в существующий поток русской общественной жизни и поддержит какие-то проекты интеллектуально и материально.

Хотя включение в русское культурное пространство имеет место. Таким «включением» можно назвать «Открытые лекции» Кати Гордеевой, которые проводятся по всему миру - там, где живут русские или русскоязычные. Правда, билеты на встречу с Макаревичем, Улицкой и Сокуровым стоят минимум 30 евро и для большинства живущих в Латвии русских недоступны. Понятно, что эмигрантам тоже надо зарабатывать, поэтому благотворительностью они не занимаются и романтических идей о поддержке русской культуры на новой родине у них не возникают. По крайней мере, пока...

Любовь к родине

Романтизмом, пожалуй, сравнение можно и завершить. «Белая эмиграция» и «путинская эмиграция» одинаково не любили тот режим, от которого бежали в чужую страну. Однако белая эмиграция трепетно любила Россию. «И настанет весенний день, мы поедem домой, в Россию», - мечтал в Эстонии Игорь Северянин. «Наш дом на чужбине случайной, где мирен изгнанника сон, как ветром, как морем, как тайной, Россией всегда окружен», - писал в Париже Набоков. «Конечно, здесь безлюдье, но ведь рядом Россия», - говорил о Латвии Зуров.

Именно эта любовь к России лежала в основе общественной работы «белой эмиграции» по сохранению и развитию русской культуры. «Белая эмиграция» понимала: без внутренних связей с русской культурой быстро наступит духовная смерть и полное растворение в чужой национальной среде. «Новая эмиграция» не замечена в любви к России. Возможно, она любит ее тайно, понимая, что при нынешней политической ситуации в Европе эту любовь не следует афишировать.

Фото: Картина художника Богданова-Бельского, тоже эмигрировавшего в Латвию, рассказывает о судьбе бывшего белого офицера, вынужденного продавать газеты на рижской набережной.